

Я от злости даже притопнула ногой и невольно усмехнулась: «Если ты сама желаешь числить себя прислугой, то уж мне-то что поделать. Как знаешь».

Вэй Хуань мои слова проигнорировала. Она действительно вышла, принесла воды и весь вечер ухаживала за мной, как придворная служанка. Когда я улеглась, она постлала на пол одеяло и собралась спать там.

Я только что ещё кипела от гнева, но, увидев, что она и впрямь собирается на полу, почувствовала неловкость. Отвернувшись, я быстро проговорила: «Я была не права. Ложись... ложись сюда».

Она сделала вид, будто не слышит, устроилась на своём месте, повернулась на бок и укрылась широким стёганым халатом. Любой мой плащ, пожалуй, был бы теплее этого тонкого хлопка.

Стояла лютая зима, за стенами выл ветер — от одного этого звука зубы начинали стучать. В комнате, хоть и топился очаг и лежали ковры, мне всё равно требовалось тяжёлое меховое одеяло, чтобы не замёрзнуть. На Вэй Хуань же был лишь этот не то халат, не то покрывало — разве мог он согреть?

Я долго ворочалась на кровати, пока наконец не буркнула сиплым голосом: «Придворная Вэй, принцесса приказывает тебе лечь сюда». Увидев, что та не шелохнулась, я поднялась, подошла и толкнула её в плечо: «Эй, я с тобой говорю».

Вэй Хуань молча поднялась, опустив голову, и с одеялом в руках направилась к кровати. Я заметила в её манерах что-то неладное, подкралась поближе, заглянула в лицо и увидела, что глаза у неё покраснели, будто она плакала. Заметив мой взгляд, она подняла голову, поджала губы и сказала: «Уже поздно, ваша высочество, вам бы поспать».

Остатки моего раздражения при виде её тут же растаяли. Мне захотелось обнять её, но я не посмела. Дождавшись, когда она ляжет, я подползла поближе и тихо прошептала: «Я знаю, что во мне много дурного. Но я искренне считаю тебя своей подругой».

Вэй Хуань помолчала, а затем спросила: «Рядом с тобой столько людей. Почему в тот раз ты выбрала именно меня?»

Ответить на этот вопрос я не могла. Если бы она была настолько выдающейся, чтобы раз и навсегда врезаться в память, — это была бы ложь. Но сказать, что она ничем не отличалась от других, — тоже. Я не знала, как её описать. Если уж настаивать, то, пожалуй, лишь тем, что с ней было... удобно. Слово «удобно» — странное. «Радость», «веселье», «грусть», «тоска» — всё это понятные чувства. А «удобно» — нет. Вроде бы и радость, но не совсем; вроде бы и покой, но тоже не вполне. Ощущение трудно передать. Как и саму Вэй Хуань: скажешь, умна — а иной раз поступит совсем глупо; сочтёшь глупой — а она проявляет хитрость. Назовёшь её заурядной — несправедливо; причислишь к гениям, вундеркиндам — так куда же тогда девать таких, как Цуй Мин-дэ? Она больше похожа на ученика из моего прошлого мира, чьи оценки всегда держатся в первой десятке: лучше большинства, но не настолько, чтобы быть лучшей. Приложив двенадцать-тринадцать усилий из десяти, она могла бы встать в хвост гениев; приложив пять-шесть — всё равно оставалась бы выше среднего. И с происхождением, и с внешностью, и с талантами, и с добродетелями — всё так. Лишь в цуцзюй она была действительно на высоте. Но если судить по вложенным трудам, то такие, как Цуй Мин-дэ, которым не нужно было усердно тренироваться, чтобы достичь мастерства, всё же превосходили Вэй Хуань.

Вэй Хуань сердилась, и я не решалась выложить ей эти мысли напрямую. Подумав, я

осторожно сказала: «Наверное... мы просто сошлись характерами?»

Вэй Хуань фыркнула: «Не хочешь говорить — скажу за тебя. Просто они с тобой не живут, а я живу. Если бы в храме Пэнлай оказалась Цуй Мин-дэ, вы бы, наверное, сошлись ещё лучше».

Я сморщила нос: «Думаешь, я смогла бы вот так лежать с Цуй Мин-дэ на одной кровати и разговаривать?» Кого угодно, только не её! Я ценила таланты Цуй Мин-дэ, но жить с ней — одно мучение.

Вэй Хуань продолжала: «Ну, если бы это была Фан Ци, ты бы тоже с ней поладила».

Я даже брови нахмурила: «Фан Ци ещё хуже, чем Цуй Мин-дэ».

Вэй Хуань, не найдя что ответить, упрямо добавила: «Тогда Ван Пин и Ван Вань».

Эти двое были и вовсе не под стать. Ван Пин и Ван Вань происходили из рода Ланъя Ван. Их семья, хоть и давно утратила былое могущество тайюаньских Ван, славилась ещё более строгими устоями. С детства их воспитывали в духе строжайшего этикета, они были образцовыми девицами из знатных семей. Читали они не что иное, как «Женские добродетели» и «Женские заповеди», а если и заучивали конфуцианские тексты, то лишь для лучшего понимания норм морали. На такие забавы, как цуцзюй, без принуждения они и не подумали бы пойти. В свободное время они либо сидели в безмолвной медитации, либо вышивали. Говорят, в их доме даже была особая ткацкая палата, куда девушки рода ходили заниматься прядением. Проводить с такими каждую минуту — либо я бы сошла с ума, либо они бы обезумели от меня. О какой лёгкости, как между мной и Вэй Хуань, могла бы идти речь?

Вэй Хуань и сама понимала нелепость своих слов. Помолчав, она сказала: «Людей на свете много. Не может быть, чтобы все тебе не подходили. Не будь меня, нашлась бы другая».

Я ответила: «Может, и так. Но сейчас рядом со мной — ты, а не кто-то другой. Даже если бы сейчас появилась вторая, точно такая же Вэй Хуань, ты всё равно была бы первой. Выбирай я между вами — выбрала бы тебя, а не твою копию. Понимаешь?»

Вэй Хуань промолчала. Боясь, что она всё ещё сердится, я повернулась к ней лицом. В соседнем помещении дежурили, поэтому там горела тусклая лампа. Её слабый свет проникал в темноту, окутывая всё молочной дымкой. В этом свете я ясно различала профиль Вэй Хуань. За полгода во дворце она сильно похудела. Не знаю, от света ли лампы или от того, что реже играла в мяч, но кожа её стала светлее. Лежа смирно, она и впрямь напоминала благородную девицу — совсем не такую, как несколько месяцев назад, когда уговаривала меня пролезть в собачью конуру. Заметив мой взгляд, она слегка повернула голову, отчего её и без того длинная шея казалась ещё тоньше и изящнее, будто готовая переломиться от лёгкого прикосновения. Я невольно затаила дыхание и тихо позвала: «А-Хуань». Она откликнулась. Я сказала: «Оденься получше, холодно».

Она ответила: «Мне не холодно». Взглянула на меня: «Тебе холодно?»

Я тихонько кивнула, не отводя глаз от её шеи. Как может шея быть такой тонкой и длинной? Такая хрупкая шея, кажется, не выдержит и веса одеяла — как же она держит голову?

Вэй Хуань быстро подтянула одеяло повыше, скрыв шею, и сказала: «Если всё ещё холодно, придвинься поближе. Будем спать вплотную, чтобы ветер не гулял между нами».

<http://bllate.org/book/16278/1466067>